

Приложение 1

О поставлении священноинока Илариона митрополитом киевским

Поданная ниже статья была опубликована в журнале «История СССР» (1970, № 3: 108–124) под названием «Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в.». Весьма подходящий для массового периодического издания исторического профиля заголовок тут, как слишком общий, заменён соответствующим содержанием статьи. Пробытовав на протяжении более чем сорока лет на правах гипотезы, статья сохранила свою ненарушенную временем источниковедческую основу и нелишний и сегодня историографический обзор.

Основное положение исследования, состоящее в том, что поставление Илариона в Киеве в обход патриарха Константинополя явилось результатом внутренних расхождений в восточной церкви, было принято сдержанно, с недоверием, а годы спустя — и с решительным несогласием. Л. Мюллер и Г. Подскальски, не возражая против моей критики распространённого мнения о борьбе Руси за независимость от Византии в церковно-политическом плане, сомневались в достоверности летописных данных и слишком общих наблюдениях относительно ситуации в самой византийской церкви (см.: L. Müller, Ilarion und die Nestorchronik // Harvard Ukrainian Studies. 12/13, 1988/1989: 337–342; русский перевод: Л. Мюллер, Понять Россию: Историко-культурные исследования. М. 2000: 149–150; Г. Подскальски, Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб. 1996: 63, ср. 450 прим. 6).

В подоплёке возражений и замечаний на тезисы моей статьи лежало невысказанное ясно убеждение, что едва лишь ставшая христианской страна даже в своих духовных верхах не была в достаточной мере богословски и канонически зрелой, готовой входить в утончённые прения по вопросам церковных структур и традициям векового прошлого. И можно было бы с этим согласиться, имея в виду крайнюю скудость данных и забывая, что историки уже не раз ошибались, считая первоисточники исчерпанными. Исследователь, читая Пселла и других византийских авторов XI в., не раз удивлялся, что в Византии приобщение Руси к христианской вселенной едва, а иногда и вовсе не замечалось. Но, сводя всё к имперским верхам, мы упускали из виду византийское монашество, и в первую очередь студитов. Именно их не кампанейское миссионерство, а, по сути, глубоко продуманная просветительная деятельность среди славян и со славянами, восходящая к IX в. и вписывающаяся в кирилло-мефодиевский почин, дала на Руси в XI в. плоды, которые мы лишь начинаем замечать (см. публикуемое тут исследование «Студиты на Руси», гл. 2 и 6).

Благодаря студитам — грекам, болгарам, русинам — эти, казалось бы, гипотетические суждения стали положениями, находящими своё подтверждение в неисчерпанном студийском кладезе.

Текст статьи 1970 г. воспроизводится с незначительными авторскими исправлениями, при этом устраняются очевидные опечатки и мелкие полиграфические погрешности, допущенные в первоначальной публикации.

***

Созданная в конце X в. по решению Владимира I Киевская митрополия с самого начала своего существования стала церковной провинцией Константинопольской патриархии¹. Причины русско-византийского конфликта 1043 г. относились к сфере внутренней ситуации империи и внешней политики Руси, они не касались вопросов церковной юрисдикции. Поэтому мирный договор 1046 г., восстанавливая дружественные отношения между обоими государствами, мог только подтвердить существующее правовое положение русской церкви².

В 1039 г. митрополитом Руси был Феопемпт, который, судя по всему, продолжал руководить митрополией также и в период конфликта 1043–1046 гг. В списке митрополитов, помещённом в Никоновском своде XVI в., на пятом месте после Феопемпта перед Иларионом назван Кирилл. Нам известны источники, на основе которых включены в перечень другие киевские иерархи конца X–XI вв., в отношении же Кирилла вопрос остаётся открытым. Не знает его перечень митрополитов новгородской редакции начала XV в., опирающийся, впрочем, исключительно на упоминания в летописях и потому открывающий список именем Феопемпта³. Тот факт, что Кирилла называет Киевский Софийский помянник, которым пользовался Захарий Копыстенский, восстанавливая в 1621 г. каталог киевских митрополитов, также не проясняет дела, поскольку мы не знаем даты редакции этого помянника. Ведь он мог возникнуть лишь в XVI в. и к тому же на основе московского перечня митрополитов в редакции, известной по Никоновскому своду. В пользу такого предположения свидетельствует упоминание как в московском перечне, так и в Софийском помяннике митрополитов Гавриила и Дионисия (вставлены между Никифором II, умершим после 1199 г., и Матфеем, скончавшимся в 1210 г.), которые, скорее всего, вообще не существовали. Сильвестр Коссов, несмотря на то, что ему *был* известен перечень Копыстенского, не включил ни Кирилла, ни других иерархов, не подтверждённых летописями, в свою «Хронологию православных русских митрополитов»⁴. Ма-

1 А. Poppe. Państwo i Kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968, s. 15–39; Его же. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. «Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 85–91.

2 О причинах войны 1043 г. см. А. Poppe. Państwo..., s. 69–104; Г.Г. Литаврин. Песел о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. «Византийский временник», т. XXVII, 1967, стр. 71–86. О русско-византийских отношениях ср.: В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 74 и сл.

3 ПСРЛ, т. IX, стр. XIII; НПЛ, стр. 163. Ср. также стр. 473.

4 «Палинодия, сочинение Захарии Копыстенского, 1621 г.» «Русская историческая библиотека», т. IV, кн. 1, СПб., 1878, стр. 1008; ср.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви (далее ИРЦ), т.

вероятно, чтобы имя Кирилла отыскалось в XVI в. в каком-нибудь из древних синодиков, скорее всего, что эрудит XVI в., обеспокоенный длительным вдовствованием митрополии, расширил список русских митрополитов XI в. Его мысль двигалась, быть может, тем самым путём, как и у историков XIX–XX вв., для которых присутствие митрополита-грека в Киеве во время конфликта было немыслимым. В результате делалось заключение, что мирный договор 1046 г. сопровождался назначением нового митрополита в Киев.

Однако нет основания допускать многолетнюю вакансию на митрополичьей кафедре в Киеве. После 1046 г. кафедрой мог управлять по-прежнему Феопемпт, либо, если он умер, новым митрополитом стал присланный из Константинополя. Дипломатические миссии в Византии, как правило, доверялись духовным лицам, а в мирных переговорах 1046 г. киевский митрополит имел особое задание как посредник договаривающихся сторон. О присутствии митрополита в Киеве свидетельствует также время освящения новопостроенного кафедрального собора Премудрости Божьей, состоявшееся, вероятнее всего, в 1044–1046 гг., или, самое позднее, в 1049 г.⁵ Киевская митрополия стала вакантной лишь незадолго до 1051 г., либо в этом же году, когда на повестку дня встал вопрос её нового замещения.

Источниковедческая основа вопроса, обладающего богатой домыслиями литературой, состоит из двух сжатых, не зависящих одно от другого известий. «Повесть временных лет» под 6559 г. (март 1051 — февраль 1052 гг.) сообщает: «Постави Ярослав Лариона митрополитомъ русина, в святей Софьи, собрав епископы»⁶. Мы имеем здесь дело с близкой к событию летописной заметкой. На это указывает помещённое под тем же годом сказание «О начале Печерского монастыря», возникшее не ранее 90-х годов XI в.⁷ Автор, выясняя, «чего ради прозвася Печерскыи монастырь», говорит во введении, что Иларион, пресвитер церкви Св. Апостолов в Берестове, «муж благ, книжен и постник», часто ходил в лес на берегу Днепра, где выкопал себе пещеру и там молился в одиночестве. Вскоре после этого, когда по воле князя он был поставлен митрополитом, пустую пещеру занял вернувшийся с Афона монах Антоний, который прославился как отшельник и после 1054 г. собрал двенадцать человек братии, выкопал вмес-

I, стр. 1. М., 1901, стр. 280, 283–286, 289; S. Kossow. Paterykon, Żywoty ojców pieczarskich, Kijów 1635, s. 164–165.

5 Ср. А. Поппэ. Русские митрополии..., стр. 91–93; Его же. Граффіті й дата спорудження Софії Київської. «Український історичний журнал», 1968, № 9, стр. 93–97.

6 *ПВЛ*, М.–Л., 1950, т. 1, стр. 104; *ПСРЛ*, т. I, стб. 155; ср. т. II, стб. 143. Здесь уже позднейшее чтение: «митрополитом Руси». Русское происхождение Илариона явно следует из его «Слова о законе и благодати».

7 Ср. А. Poppe. Chronologia utworów Nestora-hagiografa «Slavia Orientalis», R. XIV, 1965, nr. 3, s. 290; А.А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, §§191, 244, 247. А. Шахматов полагал, что это сказание возникло в 70-е годы XI в. и было дополнено вставками в последнем десятилетии того же столетия. М.Х. Алешковский считает сказания о Печерском монастыре под 1051, 1074 и 1091 гг. авторским дополнением в текст *ПВЛ*, сделанным в 1115 г., но доказательство датировки ссылками на тексты этих рассказов в редакции Воскресенского и Никоновского сводов (т. е. XVI в.) без источниковедческого обоснования такого выбора вызывает сомнения. (См. М.Х. Алешковский. Первая редакция Повести временных лет. «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 37–38).

те с ними пещеры и основал монастырь. Во вступительной части сказания о начале Печерского монастыря отчётливо видна причина, по которой оно попало под 1051 г.: летописная запись о поставлении Илариона на митрополию стала хронологически подходящим отправным пунктом для изложения предыстории монастыря. Эта запись попала в летописный свод из более раннего летописца, вероятно, Печерского, ведшегося в монастыре с 60-х годов XI в.⁸ Сказание о начале Печерского монастыря существенным образом восполнило сухую летописную записку, выражая одобрительное отношение монастыря к поставлению Илариона: «Посем же Бог князю вложи в сердце и постави и митрополитом в святей Софии»⁹. Знаменательно, что автор сказания подчёркивает верность выбора, тогда как само поставление митрополита князем представляет как очевидный факт, не требующий комментария.

Другим первоисточником является «Исповедание веры» Илариона, произнесённое при поставлении в архиерейский сан, завершённое такой рекомендационной формулой: «Аз милостию человеколюбивааго Бога мних и презвитер Иларион изволением его от благочестивых епископ священ бых и настолован в велицемь и богохранимемь граде Кыеве, яко быти ми в немь митрополиту, пастуху и учителю. Быша же си в лето 6559, владычествующу благоверьному кагану Ярославу, сыну Владимиру. Аминь»¹⁰.

Согласно обычаю, кандидат собственноручно писал исповедание веры, прочитывал его вслух во время чина хиротонии и подписывал сразу в храме¹¹. Цитированная выше формула — несомненно развёрнутая подпись, данная Иларионом в Софийском соборе в день рукоположения и настолования, чем объясняется её чисто церковно-литургический характер и отсутствие упоминания о назначении, исходившем от князя.

Выдвижение на митрополию местного кандидата без участия Константинополя на фоне практиковавшейся в тот период процедуры было событием исключительным. Поэтому-то историография стремилась — а первые попытки делал уже летописец XVI в. (Никоновский свод) — выяснить причины этого шага. Большинство исследователей трактовали его как продолжение византийско-русского конфликта 1043 г. — новую попытку освобождения русской церкви от византийского главенства¹². Несмотря на те или иные различия, такое мнение, в

8 *ПВЛ*, т. I, стр. 104–106; *ПСРЛ*, т. I, стб. 155–157. Ср. А.А. Шахматов. Разыскания..., §§229, 249, 250, 251; Д.С. Лихачёв. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947, стр. 82–86.

9 *ПВЛ*, т. I, стр. 106; *ПСРЛ*, т. I, стб. 156.

10 «Памятники древнерусского канонического права», ч. II, вып. 1 (*РИБ*, т. 36), Пг., 1920, стр. 103. Текст «Исповедания» сохранился в единственном списке в Синодальной рукописи (ГИМ, Отдел рукописей, Синодальное собрание, №591, лл. 200–203), доселе датируемой XVI или серединой XV в. Анализ водяных знаков, любезно произведённый по моей просьбе Л.М. Костюхиной, показал, что рукопись относится к 70-м годам XV в.

11 И.И. Соколов. Избрание архиереев в Византии IX–XV вв. «Византийский временник», XXII (1915–1916). Пг., 1917, стр. 207–208, 238, 240–242, 250; Н. Милаш. Православно церковно право. Мостар, 1902, стр. 387–388.

12 Наиболее чётко эту мысль сформулировал М.Д. Присёлков. (См. М.Д. Присёлков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. «Записки историко-филологического

конечном счёте, ведёт к выводу о не только церковной, но и политической зависимости Руси от Византии.

В ином направлении шли исследования тех учёных, которые более реалистично, с лучшим знанием предмета оценивали византийско-русские отношения XI в. Общей для них является тенденция не связывать, либо даже прямо отрицать, связь между конфликтом 1043 г. и постановлением Илариона в 1051 г. Придерживаясь этой точки зрения, Е.Е. Голубинский высказал предположение, что акт 1051 г. был выражением недовольства Ярослава существующим порядком замещения митрополии и намерения ввести новые начала. Но тут же Е.Е. Голубинский сам справедливо обратил внимание на то, что если бы Ярослав действительно замыслил изменить существовавший до того времени порядок, то он нашёл бы последователей в своих преемниках. Потому-то, в конце концов, этот учёный выдвинул Илариона толкует как единичное событие, лишённое всякого политического подтекста. Оно могло быть проявлением симпатии и преклонения русского монарха перед достоинствами ума и духа пресвитера Илариона. Признав, что трудно найти лучшего кандидата, Ярослав приказал епископам рукоположить его, но ни в коей мере не собирался создавать прецедент и порывать церковные связи с Константинополем¹³.

Наличие связи между актом 1051 г. и событиями 1043 г. решительно отрицал Пл. Соколов. Этот исследователь полагал, что поставление Илариона было следствием реализации Ярославом и духовенством из его окружения определений Номоканона XIV титулов, известного на Руси в одной из ранних его редакций, отличающейся от последней редакции 883 г. (Синтагмы, приписываемой Фотию). Этот Номоканон, помимо соборных постановлений об избрании и хиротонисании епископов и митрополитов синодом епархии (митрополии), содержал новеллы 123 и 137 Юстиниана, согласно которым избрание епископа предоставлялось клиру и наиболее видным гражданам. Славянский перевод: «клирики и первья притяжателя града» облегчал интерпретацию в том смысле, что избрание митрополита должно быть делом епископов митрополии и князя земли. С точки зрения Номоканона (Кормчей), акт Ярослава был совершенно законным и можно было бы сделать только один упрёк, что он был осуществлён без согласования с патриархом, но и в этом случае Ярослава может оправдать двусмысленность содержания названных новелл, гласящих, что избранный «да

факультета Имп. С.-Петербургского университета» ч. СХVI, СПб. 1913, стр. 92 и сл.). Тезис М.Д. Присёлкова в последнее время особенно широко развивал В. Видера, подчёркивая, что главной целью внешней политики Ярослава Мудрого было избавление Руси от церковно-политической гегемонии Византии. (В. Widera. Jaroslavs des Weisen Kampf um die kirchliche Unabhängigkeit von Byzanz. «Aus der Byzantinischen Arbeit der DDR», B. I (Berliner Byzantinische Arbeiten, B.V), Berlin 1957, S. 158–175; Его же. Die politischen Beziehungen der Kiever Rus zu Deutschland in der ersten Hälfte des XI Jh. «Jahrbücher für Geschichte der UdSSR», b. V, 1961, S. 242–244).

13 Е.Е. Голубинский. ИРЦ, т. I–1, стр. 297–299. Ему следует Л. Гёгц (см. L.K. Goetz. Staat und Kirche in Altrussland. Kiever Periode 988–1240, Berlin, 1908, S. 82–84). К точке зрения Е.Е. Голубинского склонялся также М.С. Грушевский (М. Грушевський. Історія України-Руси, т. III, Львів, 1905, стр. 261–262), подчёркивая в то же время невозможность разрешения этой дилеммы.

больших поставлен будет бедою поставившааго», или «поставлен будет судом поставяющааго». Таким образом, Пл. Соколов придерживается мнения, что поступок Ярослава был следствием недостаточного знания церковных предписаний, а особенно отсутствия разграничения двух моментов: 1) юридического — утверждения кандидата, в данном случае самим патриархом и 2) сакраментального — посвящения кандидата собором епископов. В результате исследователь оценивает избрание Илариона как акт непросвещённого благочестия. С точки зрения Константинополя, это было конечно нарушением власти патриарха, но дело могло быть улажено, поскольку отделение русской церкви от византийской не входило в намерения Ярослава¹⁴. Вдумчивые замечания Пл. Соколова трудно, однако, разделить полностью, поскольку слишком много они приписывают неосведомлённому благочестию Ярослава, которое, однако, не может объяснить поведения местного синода епископов. Следует добавить, что различие в акте поставления в архиерейский сан момента юридического и сакраментального ничего в то время не решало, ибо и этот последний в отношении митрополитов был привилегией патриарха и его синода. Впрочем, Ярослав мог равным образом как знать, так и не знать соответствующих предписаний церковного права, но зато он сам, как и его окружение, были полностью знакомы с существующим обычаем: митрополит приезжал на Русь, избранный патриаршим синодом, наречённый патриархом, хиротонисанный им же в Агии-Софии, а в Киеве совершалось только его наставление (интронизация).

Расхождением в европейской политике обоих государств объясняет акт 1051 г. Г.Г. Литаврин. Предпринятая Кируларием накануне схизмы 1054 г. попытка оказать влияние на внешнюю политику Руси, дружественную в отношении западных стран и папства, могла вызвать недовольство Ярослава и поставление Илариона вопреки патриарху¹⁵. Заметим, что здесь мы имеем дело с традиционным в историографии представлением о событиях 1053–1054 гг., в действительности лишь гораздо позже расценённых как раскол. На политику западноевропейских стран и Руси в отношении Византии папство в середине

14 Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, стр. 42–52. Этот исследователь считал, что одновременно с принятием христианства Русь стала вассалом империи.

15 Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 80, 85; Его же. (в:) «История Византии», т. 2, М., 1967, стр. 351. В литературе на основе свидетельства Никифора Григоры указывалось, что, быть может, сначала существовало соглашение, которое предусматривало замещение Киевской митрополии попеременно иерархом греческого и русского происхождения. Ср.: F. Dvornik. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. «Dumbarton Oaks Papers», т. IX–X, 1956; р. 95; Г.Г. Литаврин, А.П. Каждан. Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии. «Thirteenth International Congress of Byzantine Studies». Oxford, 1966, р. 3. Этому утверждению, однако, противоречит порядок замещения киевской кафедры, прослеживаемый до середины XIII в. Поэтому Д. Оболенский склоняется к более умеренному мнению, что византийская уступка имела место лишь в XIII в., когда патриарх вынужден был пребывать в Никее. См. D. Obolensky. Byzantium. Kiev and Moscow: A Study in Ecclesiastical Relations. «Dumbarton Oaks Papers», т. XI, 1957, pp. 30 sq., 77. Свидетельство Григоры середины XIV в., впрочем, двусмысленное, следует рассматривать в контексте споров того времени о церковной иерархии на Руси. (Ср. Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 39 и сл. 345 и др.; J. Meyendorff. Alexis and Roman: a Study in Byzantino-Russian Relations (1352–1354). «Byzantinoslavica», т. XXVIII, 1967, pp. 278–288).

XI в. не могло иметь никакого влияния; политически слабое, оно в это время рассчитывало на византийскую поддержку, чтобы противостоять агрессивным норманнам. Сама Византия, заключив союз с папством, также надеялась облегчить себе оборону своих владений в Италии¹⁶. Не говоря о том, что ничто не свидетельствует о связях Руси с папством, трудно допустить, что Ярослав в 1051 г. мог принаравливать свою политику к событиям, не осознаваемым ещё их главными виновниками.

Умеренную позицию представляет Л. Мюллер: он предлагает отказаться от домыслов, оставаясь на почве ясных, пусть скупых, сведений, которые не позволяют понимать акт 1051 г. как демонстрацию автокефалии церкви на Руси, поскольку единственный собственно критерий — отношение к этому акту патриарха, имевшего право утверждения, — остаётся неизвестным. Л. Мюллер не исключает, что выдвигание Илариона было согласовано с Византией¹⁷. Соглашаясь с тем, что акт 1051 г., нельзя интерпретировать как проявление стремления к автокефалии, мы всё же склонны видеть в нём отражение какого-то конфликта в недрах самой церкви, поскольку он представляет собой процедуру возведения на митрополию, не практиковавшуюся в это время в патриархии «вселенной ромеев». Довольствоваться только прямыми свидетельствами источников было бы равнозначно отказу от поисков надлежащего ключа к пониманию акта 1051 г., который уже в сознании летописца конца XI — начала XII вв. был исключительным явлением, коль скоро он включил известие о нём в летописный свод. Впрочем, сам Л. Мюллер не чуждается гипотезы, когда поставление Илариона признаёт за результат соглашения. Но такое соглашение означало бы отказ вселенского патриарха и постоянного синода от права замещения одной из митрополий и, причём, первостепенного политического значения для империи. Властность и честолюбие тогдашнего патриарха Михаила Кирулария делают такой отказ слишком маловероятным.

Несомненно, что чин возведения Илариона на митрополию полностью противоречил установленной процедуре, ибо право поставления принадлежало патриаршему синоду и патриарху. Но возникает вопрос, как этот акт собора епископов русской митрополии согласовывался с каноническим правом?

Избрание митрополитов происходило первоначально таким же образом, как и избрание обычных епископов, т. е. было делом кафедрального клира, мирян (светское начальство) и епископов епархии, т. е. митрополии. Последние также рукополагали избранного в архиерейский сан¹⁸. Возможность изменений содер-

---

16 См.: J. Gay. *L'Italie méridionale et L'Empire Byzantine* (867–1071). Paris, 1904, p. 440 sq; Его же, *Les Papes du XI siècle et la Chrétienté*. Paris, 1926, p. 162; S. Runciman. *The eastern Schism*. Oxford, 1965, p. 38. A. Michael, *Schizma und der Kaiserhof in Jahre 1054*. «L'Eglise et les églises 1054–1954», t. 1, Chevetogne, 1954, p. 351.

17 См.: L. Müller. *Des Metropolitens Hilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis*, Wiesbaden, 1962, S. 1–11. Л. Мюллер также даёт меткую критику тезиса М. Присёлкова и его сторонников. Ср. также: D. Obolensky. *Указ. соч.*, стр. 63–64.

18 Ср.: А. С. Лебедев. Об избрании в епископский сан в древней вселенской и русской церкви. «Русский вестник», т. 107, 1873, № 9, стр. 53–66; И. Соколов. Избрание архиереев..., стр. 193–252; F.X. Funk. *Die Bischofswahl im christlichen Altertum und im Anfang des Mittelalters*, в его же

жало уже 28 правило IV Вселенского собора 451 г. Правило это, санкционировавшее Константинопольскую патриархию, требовало, чтобы митрополиты посвящались архиепископом Константинополя после соответствующего избрания и представления, следовательно, при участии местного собора епископов митрополии, соответственно формулировкам 6-го правила собора в Сардике 343 г. и канонического послания III Вселенского собора к собору провинции Памфилии¹⁹. Обычай рукоположения митрополитов патриархом не практиковался, однако, повсеместно ещё и через сто лет, как об этом свидетельствует законодательство Юстиниана, отразившее в очередных редакциях некоторых постановлений последовательный процесс централизации, в том числе и церковной администрации. В 123-й новелле, гл. 3, порядок рукоположения епископов разных степеней был затронут при рассмотрении вопроса о ставленнических пошлинах, причём речь идёт также о митрополитах, «посвящённых собственным синодом или блаженнейшими патриархами». Из этого следует, что тогда равноправно сосуществовали оба порядка. Но уже через неполные двадцать лет в 137-й новелле, изданной 25 марта 565 г., был сделан дальнейший шаг. Предписывалось выдвижение не менее трёх кандидатов, из которых «лучший пусть будет поставлен по выбору и суду поставляющего». Право наречения митрополитов становится, согласно новелле 137, гл. 2, прерогативой патриарха, наречение епископов переходит в компетенцию митрополита. Одновременно эта новелла, хотя и сохраняет юрисдикцию митрополитанских соборов, на практике существенно её ограничивает, создавая конкурирующую единоличную юрисдикцию митрополитов и патриархов над подвластными архиереями²⁰. Иоанн Схоластик, известный своими трудами по кодификации церковного законодательства, начатыми ещё до занятия патриаршего престола в 565 г., в своём «Собрании 87 глав» — сборнике извлечений из Юстиниановых новелл ок. 570 г., правда, опустил новеллу 137, но под её влиянием внёс в изложение гл. 5 123-й новеллы существенное изменение, пропустив упомянутую выше возможность поставления митрополитов собственным синодом²¹. 123-я новелла впоследствии подвергалась дальнейшей обработке и расширению под влиянием 137-й новеллы. Знаменательно, однако, что хотя в «Василиках» — законодательной компиляции ок. 890 г. — текст 123-й новеллы подвергался перередактированию в духе определений 137-й новеллы, но в то же время сохранялось упоминание новеллы 123, гл. 5 о посвящении митрополита собственным собором. Цель помещения в «Василиках», видимо, уже непрacticовавшегося обычая не ясна, быть может,

Kirchengeschichtliche Abhandlungen, b. I. Paderborn, 1897, S. 23–39; P.L. Hui11ier. A propos des élections episcopales dans l'Orient Byzantin. «Revue des Etudes Byzantines», 25, 1967, pp. 101–105.

19 J.V. Pitra. *Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*, t. 1, Roma, 1864, pp. 472, 532–533; В.Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Текст славянский и греческий, т. 1, вып. 1–3. СПб., 1906–1907, стр. 125, 284; E. Herman. *Appunti sul diritto metropolitico nella Chiesa byzantina*. «Orientalia Christiana Periodica», XIII, 1947, s. 528 сл., 533 сл., 539 сл.; И. Соколов. Избрание архиереев... стр. 201–205, 209–210.

20 Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 3–6; E. Herman. Указ. соч., стр. 529, 546 и др.

21 *Collectio 87*, cap. 32, см. по изд.: G. Heimbach. *Anekdotia*, t. II. Lipsiae, 1938, p. 221. Ср.: Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 6–7.

они не являлись обязательным кодексом византийского права, а только компиляцией, составленной в целях правоведческого образования²². Хотя эволюция соотношений между церковными иерархами на местах и в центре, особенно же этапы перенимания патриаршим постоянным синодом — эндимусой (т. е. собранием сановного клира Агии-Софии и случайно в столице находящихса подведомственных непосредственно патриарху архиереев, в первую очередь митрополитов) — избирательных прав местных епархиальных синодов, не прослеживается в источниках, но, так или иначе, уже в IX в. неизвестно случая выбора и поставления митрополита собственным синодом. Полномочия целиком перешли к столичному постоянному синоду, который и сохранял своё право представления патриарху на выбор одного из трёх, выдержавших испытания, и избранных в тайном голосовании кандидатов. Таковой была обыденная процедура поставления в митрополиты и в X, и в XI вв., как явствует из сочинений церковных писателей: Евфимия Сардского, подробно изложившего чин избрания в синоде, и Никиты Амасийского, нарочито подчеркнувшего право решающего голоса за патриархом²³. На исходе XII в. византийский канонист Феодор Вальсамон в своём комментарии к Номоканону XIV титулов подтверждает этот чин выдвижения митрополитов как обязательный со времён Халкидонского собора (451 г.) и замечает, «что прежде этого правила (т. е. 28-го собора в Халкидоне — А.П.) патриархи не хиротоносали митрополитов, но епископы каждой епархии», т. е. митрополии²⁴.

В действиях епископов русской епархии-митрополии, таким образом, нельзя усмотреть ничего, что было противно канонам, ибо они опирались на первоначальную, санкционированную постановлениями вселенских соборов, каноническую практику, живую ещё в VI в. и частично продолжавшуюся, быть может, до IX в. Несомненно, что ссылка «митрополичьего синода на свои давние канонические права была спором о компетенции, но не ставила под вопрос верховенство константинопольского патриарха. Этот способ поставления ведь не отнимал у патриарха права утверждения избранного и рукоположенного архиерея, ибо это право вытекало из соответствующего толкования определений 4-го правила I Никейского собора. Но в то время роль патриарха сводилась к определению: согласуются ли действия местного собора епископов с канонами, и только в случае констатации отклонений патриарх мог их запретить.

22 Василики III, 1, 10, изд. G. Heimbach. *Basilicorum libri LX*, t. I. Lipsiae, 1833, S. 94–95. Ср.: G. Ostrogorsky. *Geschichte des Byzantinischen Staates*, München, 1963, S. 202–203; А. Каждан. Василики как исторический источник. «Византийский временник», 14, 1958, стр. 56–66; Пл. Соколов считал, что это определение сохранено в Василиках, поскольку имелись в виду архиепископии, независимые от Константинополя, как, например, Кипр (Пл. Соколов. Указ. соч., стр. 8, 22).

23 J. Darrouzès. *Documents inédits d'ecclésiologie byzantine*. Paris, 1966, p. 108–115 (Евфимия Сардского «О выборах архиереев»), p. 160–175 (Никиты Амасийского «О правах патриарха»). Ср. также вводные замечания издателя: стр. 8–20, 33–36; И. Соколов. Избрание архиереев..., стр. 251; E. Herman. Указ. соч., стр. 523 сл., 539 сл., J. Hajjar. *Le synode permanent dans l'Eglise byzantine des origines au XIe siècle*. Roma, 1962, 140–142; H.G. Beck. *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*, München, 1959, s. 70.

24 «*Patrologia graeca*», t. 137, col. 1446; ср.: И. Соколов. Избрание архиереев..., стр. 203–210.

Что склонило епископов русской митрополии к действиям, явно направленным к лишению патриаршего синода и патриарха права замещения киевской кафедры? Они были замыслены, прежде всего, против прерогатив патриарха. Михаил Кируларий принадлежал к тем архиепископам «Нового Рима», которые проводили свою собственную политику, выходящую за церковные рамки. В его честолюбивой программе было не только исключение вмешательства светской власти в дела церкви, но его привлекала и сформулированная уже в Эпанагоге идея духовного покровительства священства над царством. Слабовольный Константин Мономах, хотя и имел ссоры с властолюбивым патриархом, относился к нему с доверием, даже тогда, когда тот, вопреки политическим планам императора в Италии, провоцировал обострение спора со «Старым Римом». После смерти Мономаха вмешательство Кирулария в государственные дела привело к весьма напряжённым отношениям между ним и императрицей Феодорой. Повышенные претензии стали причиной падения патриарха через год после того, как при его содействии императорский престол занял энергичный и не менее честолюбивый Исаак Комнин²⁵. Авторитарная, не допускающая прекословия позиция Кирулария давала знать о себе, прежде всего, во внутрицерковных делах, почему и он сам, и его политика должны были возбуждать недовольство среди греческого духовенства, и, особенно, в монашеской среде. Уже факт неканонического замещения патриаршего престола, видимо, с обходом патриаршего синода, сам по себе не столь уже исключительный, мог быть в острых ситуациях выдвинут как упрёк.

Обвинительная речь против Кирулария, подготовленная Пселлом по поручению собранного во дворце совещания с участием архиереев для произнесения её на синоде, который должен был низложить патриарха, весь период его правления представляет как цепь непрерывного нарушения канонов²⁶. Это, конечно, памфлет, написанный ловким конъюнктурщиком, и поэтому сформулированным в нём обвинениям в ереси, вплоть до святотатства, не следует придавать значения. Но, тем не менее, памфлет прекрасно отражает атмосферу неблагожелательности по отношению к властному патриарху, господствовавшую не только в дворцовой среде, но также в среде высшей церковной иерархии, заседавшей в синоде, на поддержку которого рассчитывали, созывая его за пределами столицы, вдали от давления благожелательных Кирула-

25 Н. Суворов. Византийский папа. М., 1902, стр. 79–168; ср. G. Ostrogorsky. Указ. соч., стр. 278, 280–281; «История Византии», т. 2. М., 1967, стр. 275–280. Теократические претензии Кирулария засвидетельствованы, по-видимому, в иконографии исполненного по заказу патриарха серебряного креста с изображением императора Константина Великого, почтительно предстоящего благословляющему его папе Сильвестру. (См.: R.J.H. Jenkins. A Cross of the Patriarch Michael Cerularius. «Dumbarton Oaks Papers», 21, 1967, pp. 232–249. Ср.: А.П. Каждан. Византийская культура. М., 1968, ил. 10 и рец. Г.Вальтера: «Revue des Etudes Byzantines», 26, 1968, pp. 407–408).

26 Греческий текст издан: Michaelis Pselli scripta minora, ed. E. Kurtz, F. Drexel, t. 1. Milano, 1936, pp. 232–328, русский пересказ: П.В. Безобразов. Неизданная обвинительная речь против патриарха Михаила Кирулария. «ЖМНП», ч. 265, 1889 сентябрь, стр. 32–84.

рию жителей Константинополя²⁷. До суда дело не дошло по причине смерти патриарха²⁸.

Недовольство правлением Кирулария начало нарастать раньше, как об этом свидетельствует спор между патриархом и монахами в 40-х годах XI в. Конфликт с Кируларием по-видимому имел более широкую основу, ибо во главе оппозиции встал знаменитый Студийский монастырь, который по примеру своего учителя Феодора Студита стоял на страже православия и не раз в течение IX–X вв. вступал в споры с патриархами, требуя от них верности церковным догматам и канонам²⁹. Известно о двух начинаниях, направленных против обители. Так, патриарх поставил под вопрос право диаконов Студийского монастыря носить во время литургии специальные пояса. Студиты ответили трактатом, написанным Никитой Стифатом — «О поясах студийских диаконов». Спор длился, должно быть, долго, ибо в 1054 г. патриарх антиохийский Пётр в письме к Кируларию заметил, что тот, несмотря на большие старания, не смог упразднить этот обычай³⁰. Это, казалось бы, мелкое дело показывает несомненную пробу сил между монастырём, юрисдикционно независимым от патриарха³¹, и Кируларием, стремящимся к распространению полной власти над всеми церковными учреждениями в империи. Сопrotивление Студийского монастыря притязаниям патриарха должно было найти поддержку в других независимых киновиях, где прекрасно понимали, что под угрозой поставлены также и их собственные привилегии. В споре между Студийским монастырём и Кируларием речь шла о делах ещё более существенных, чем честолюбивое стремление патриарха осуществлять надзор за монастырём. Глосса к тексту Скилицы-Кедрина свидетельствует, что Кируларий распорядился вычеркнуть имя св. Феодора Студита из «числа тех, которые поминаются в церковных молитвах», т. е. из диптихов, и отказался от своего решения лишь

27 Michaelis Attalioetae historia, Bonnae, 1853, p. 64–65; Н. Суворов. Указ. соч., стр. 111–112, 118–125; А. Michel. Указ. соч., стр. 430–435.

28 Пселл, провозгласивший, что нет такого дела, которое с помощью риторики было бы невозможно представить и как хорошее и, равным образом, как дурное, имел возможность блеснуть своим ораторским искусством над гробом Кирулария, прославляя его как столп православия и воплощение христианских добродетелей.

29 И.И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 504 и др. О Феодоре Студите см.: Н.Г. Beck. Указ. соч., стр. 491 и др. О влиянии монашества на формирование византийского быта см. Н. Hunger. Reich der neuen Mitte, Der christliche Geist der byzantinischen Kultur, Graz — Wien — Köln, 1962, S. 229 ff. Ср. также D. Savramis. Zur Sociologie des byzantinischen Mönchtums, Leiden — Köln, 1962 и замечания рецензента А. Каждана («Византийский временник», т. XXVII, 1967, стр. 346–349).

30 Письмо Петра Антиохийского от июля 1054. «Patrologia graeca», t. 120, col. 809. См.: А. Michel. Указ. соч., стр. 376. Такой пояс — зонэ — принадлежал к литургическим облачениям епископа и священника. Ср.: Т. Papas. Studien zur Geschichte der Messgewänder im byzantinischen Ritus, München, 1965, S. 131–134.

31 Студийский монастырь принадлежал к числу «самовластных и самоправных» монастырей под императорским покровительством, пользовавшихся привилегией независимости не только от епархиальной власти, но равным образом и от патриаршей в административном, а иногда и в юрисдикционном отношениях. См.: И. Соколов. Состояние монашества..., стр. 353–355, 367–370; Н.Г. Beck. Указ. соч., стр. 130. Ср. также: R. Janin. Le monachisme byzantin en Moyen Age. Commande et typica (X–XIV es). «Revue des études Byzantines», XXII, 1964, pp. 5–44.

под воздействием императора³². Конфликт, следовательно, имел глубокую подоплёку, студиты, выступая против патриарха, очевидно ссылались на своего духовного наставника. Не умножая домыслов, мы можем с уверенностью утверждать, что пока Кируларий вёл споры со студитами, решаясь даже ставить под вопрос святость Феодора Студита, — ибо так следует понимать удаление из синодика самого выдающегося авторитета православного монашества, — он имел против себя большинство монахов в империи³³.

Ведущим, наряду со Студийским монастырём, центром монашеской жизни был Афон, также независимый от патриарха и пользующийся императорским покровительством. В 1046 г. Константин Мономах подтвердил независимый статус конгрегации монастырей Святой Горы, полученный в 972 г. от Иоанна Цимисхия. Быть может, монастырь стремился подтвердить свои привилегии, встревоженный притязаниями патриарха. Проведённые в 40-е годы реформы укрепили позицию Афона как центра аскетизма и религиозно-созерцательной жизни³⁴. Следует также обратить внимание на то, что Афон был центром сношений и взаимовлияний монашества восточного и западного, охваченного именно в то время реформаторским клонийским движением³⁵. Обсуждались на Афоне, несомненно, также дела, касающиеся церковной иерархии и порядка замещения архиерейских кафедр. Отражением господствовавших тут взглядов является позиция игумена грузинского монастыря Иверон на Афоне в 40–50-е годы XI в. Георгия Мтацминдели (умер 29 июня 1065 г.), зафиксированная в житии, написанном там же его учеником ок. 1068 г.³⁶ Вернувшись в 1060 г. с Афона в Грузию, Георгий Мтацминдели призвал к реформе грузинской церкви: осуждал продажу епископских должностей людям недостойным и неучам, а также требовал, чтобы монарх выбирал среди монахов достойных кандидатов, которые пользуются поддержкой «вдохновлённых Богом учителей», т. е. синода епис-

32 Georgis Cedrenus Joannis Scylitzae ope ab J. Bekkero suppletus et emendatus, v. II, Bonnae, 1839, p. 555; A. Michel. Die Kaisermacht in der Ostkirche (843–1204), Darmstadt, 1959, S. 94.

33 Однако ещё до 1054 г. должно было прийти до примирения, так как во время полемики с папскими легатами Кирулария действительно поддержал своим пером студийский монах, упомянутый Никита Стифат. О его антилатинских трактатах см.: Н.Г. Beck. Указ. соч., стр. 535–536; A. Michel. Schisma..., s. 351 ff. Сближение наступило, несомненно, в связи с намерениями Константина Мономаха в последний период его правления (1052–1054 гг.) отторгнуть часть церковных имений, особенно монастырских, в пользу казны. Кируларий решительно встал на защиту имущества церкви, также, как и в 1057 г., когда к секуляризационным планам Мономаха вернулся Исаак Комнин.

34 F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, т. 1–2, München — Berlin, 1924–1925, No 745, 879; Н. Hunger. Johannes V Paleologos und der Heilige. Berg. «Byzantinische Zeitschrift», 45. 1952, S. 360–361, 366–367; A. Michel. Die Keisermacht..., S. 52, И. Соколов. Состояние монашества..., стр. 237 и 378–380.

35 См.: O. Rousseau. L'ancien monastère bénédictin du Mont-Athos. «Revue liturgique et monastique», 14, 1929, pp. 530–547; Н.Г. Beck. Die Benediktinerregel auf dem Athos. «Byzantinische Zeitschrift», 44, 1951. S. 21–24; J. Leclercq. Les relations entre le monachisme oriental et le monachisme occidental dans le haut Moyen âge. «Le millénaire du Mont-Athos 963–1963. Études et Melanges». Chevetogne, 1964, t. II, pp. 49–80.

36 См. введение П. Пеетерса к латинскому переводу Жития св. Георгия Афонского со старогрузинского текста (опубл. К. Кекилидзе в 1901 г.), сохранившегося в рукописи 1074 г. «Analecta Bollandiana», т. 36/36, 1917–1919 (изд. 1922), pp. 8–9, 69–74; Ср.: Н.Г. Beck. Kirche..., p. 580–581.

копов³⁷. Критика грузинского игумена с Афона касалась грузинской церкви, но была направлена против искажений и злоупотреблений, гнетущих всю церковь. Симония под разными видами была повсеместным явлением, назначения на высокие церковные посты светских лиц, отнюдь не компенсирующих посвящение достоинствами духа и ума, были также нередки. Возникает вопрос, почему завязавшиеся в византийской монашеской среде реформаторские движения, требующие оздоровления и демократизации системы замещения архиерейских кафедр, не могли бы при благоприятных условиях проникнуть также и на Русь?

На Афоне, наряду с грузинским Ивероном и другими национальными монастырями, существовала основанная русином до 1016 г. обитель Успения Богородицы, т. н. Ксилургу («Древодела») ³⁸. С Афона прибыл основатель Печерского монастыря Антоний Любечский, отсюда же происходили монахи, которые уже до 1064 г. основали монастырь Святая Гора неподалёку от Владимира-Волынского. Не исключено, что и сам Иларион находился некоторое время на Афоне, либо, во всяком случае, в одном из византийских монастырей, так как, кажется, знал греческий язык ³⁹. Контакты русского монашества со Студийским монастырём можно констатировать лишь начиная с 60-х годов XI в. В это время в одной из обителей Константинополя пребывал печерский монах Ефрем, будущий митрополит переяславский. Поскольку по просьбе печерского игумена Феодосия он прислал устав Студийского монастыря ⁴⁰, можно думать, что он находился именно среди студитов. Влияние этого монастыря на русское монашество могло иметь значительно более раннюю дату, нежели первое свидетельство о нём. Нельзя также недооценивать присутствие на Руси греческих и славянских монахов из балканских провинций империи; они с таким же усердием, как и русские иноки, трудились над христианизацией общества и устройством русской

37 Житие Георгия Афонского, §§ 60, 61, (в переводе Пеетерса там же, стр. 124, 125). См.: И. Джавахов (И.А. Джавахишвили). К истории церковных реформ в древней Грузии (Георгий Афонский). «ЖМНП», ч. 351, февраль 1904, № 2, стр. 358–372.

38 В.А. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI и XII в. «Byzantinoslavica», IX, 1947–1948, стр. 55–71. [Коррективы к статье см.: А. Поппэ. Русь и Афон в XI веке // *Miscellanea Slavica*. Сб. статей в честь Б.А. Успенского. М. 2008: 320–336].

39 Автор «Слова о законе и благодати» некоторые использованные им тексты должен был знать в оригинале. Ср. лингвистический комментарий: L. Müller. Указ. соч., стр. 57 ff. Как обнаружено в последнее время, Илариону не была чужда также латино-христианская литература. См.: L. Müller. Eine westliche liturgische Formel in Ilarions Lobpreis auf Vladimir den Heiligen. «L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», t. XVIII, 1968, pp. 299–305; Н.Н. Розов. Из истории русско-чешских литературных связей. (О предполагаемых западнславянских источниках сочинений Илариона). «Труды ОДРЛ», XXIII, 1968, стр. 71–85. Помимо указанных возможностей влияний, следует иметь в виду посредствующую роль Афона (см. прим. 35).

40 См.: Житие Феодосия Печерского. (Изд. «Сборник XII века Московского Успенского собора», вып. 1, ЧОИДР, 1899, кн. II, отд. II, стр. 54, 57), написанное Нестором до 1088 г. (См.: А. Поппе. *Chronologia...*, s. 292–297). Учитывая почти современную летописную версию (ПВЛ, т. I, стр. 107) можно предполагать, что переведённый (?) Ефремом монастырский устав привёз в Киев сопутствующий митрополиту Георгию «Михаил, чернец монастыря Студийскаго». Ср. также мнение Е.Е. Голубинского (ИРЦ, т. X, стр. 372 сл.). Не был ли студитом упомянутый в ПВЛ под 1039 г. митрополит Феопемпт? Доказательство в пользу такой догадки мы усматриваем в его печати с изображением Иоанна Предтечи, которому была посвящена Студийская обитель.

церкви, которую хотели видеть свободной от недостатков, осуждаемых ими у себя, более близкой к идеалам, провозглашённым апостолами и отцами церкви.

Принципы выдвижения духовных архипастырей волновали, впрочем, не только монашескую среду, но в несколько другом плане и непосредственно заинтересованных высших церковных иерархов. В этом отношении показательны два полемических трактата: анонимный «О правах митрополитов» и Никиты Амасийского — «Об избирательном праве патриарха». Оба помещаются в пределах столетия: последней трети X — первых двух третей XI вв., и как бы ни уточнять их датировку, остаётся вне сомнения, что выраженные в них разные точки зрения на предмет избрания архиереев оставались живучи на протяжении XI в., о чём свидетельствуют яркие выступления ок. 1085 г. в защиту митрополитских прав митрополита анкирского Никиты, также использовавшего в своих посланиях трактат Анонима⁴¹.

Если Никита Амасийский обосновывает за патриархом право решающего голоса в избрании архиерея из трёх предложенных синодом кандидатов, т. е. защищает существующую практику, Аноним, выражая интересы корпорации высших церковных иерархов, входивших в состав синода, к которым, несомненно, и сам принадлежал, высказывается за право коллегии митрополитов располагать решающим голосом в деле замещения вакантной кафедры, оставляя за патриархом единственно роль председательствующего синодом и хиротонисующего уже назначенного кандидата. Аноним в своих реформаторских предложениях стремится доказать ограниченность прав патриарха, который изначально не был главой епархии, не имел подвластных архиереев, как другие патриархи. Поэтому митрополиты Константинопольской патриархии суверенны в своих действиях, патриарху же, как епископу столицы империи, принадлежит только почётная роль примаса и юрисдикционные права экзарха — блюстителя и арбитра. Итак, Аноним отвергает общепринятое положение и практику, приравнивавшие соотношения между патриархом и митрополитами отношению подчинённости рядовых епископов первому среди них, возглавлявшему епархию-митрополию. Характерно, что Аноним-реформатор не предлагает вернуться к принципам, господствовавшим до Халкидонского собора, а исходит именно из его правил (9, 17, 28), превратно толкуя их в пользу столичного синода — коллегии митрополитов — и уклоняясь от признания из них же вытекающих прав архиепископа «Нового Рима». Сторонники взглядов Анонима, митрополиты X–XI вв., несомненно, сильно тяготились патриаршей властью, особенно когда церковью уп-

41 См.: J. Darrouzès. Documents inédits..., pp. 22–53; тексты сочинений, вместе с французским переводом: Анонима, стр. 116–159; Никиты Амасийского, стр. 160–175; Никиты Анкирского, стр. 176–249. Издатель Ж. Даррузе в своём содержательном введении склоняется к более ранней датировке сочинений Анонима и Никиты Амасийского, указывая на церковные распри в период правления Никифора Фоки и властного патриарха Полиевкта (963–969 гг.). Ср.: там же, стр. 24–27, 31–33. Но конфликтные ситуации между митрополитами и патриархом, которые благоприятствовали появлению таких полемических трактатов, имели место и в XI в., например, в 1037 г., когда группа митрополитов по наущению Иоанна Орфанотрофа, брата императора Михаила IV, пыталась вынудить Алексея Студита отречься от патриаршества, а также в период патриаршества Михаила Кирулария (1043–1058 гг.).

рвляли такие властные патриархи, как Полиевкт и Кируларий. Но в интересах своей корпорации, желая вершить делами церкви с патриархом в роли почётно-го председателя, они в то же время не решались призывать к восстановлению дохалкидонского порядка и передаче избрания митрополитов подчинённым им епископам. Однако сама мысль о суверенном характере власти митрополитов, а, следовательно, восходящая к древнему периоду церковной жизни идея автономии епархии-митрополии, несомненно, перекликалась с реформаторскими стремлениями монашества.

Рассмотренные моменты приближают нас к пониманию акта возведения Илариона на митрополию в Киеве как к проявлению того движения обновления в византийской монашеской среде, которое стремилось вернуть церковным иерархам их моральный авторитет как духовных пастырей. Акт 1051 г., таким образом, не был порождён намерением оторвать русскую церковь от византийского церковного единства, но был действенным напоминанием о правах, принадлежащих синоду епископов епархии-митрополии. Недовольство русских епископов и монахов могло проистекать также из того, что присылавшимся из Константинополя иерархам не всегда хватало тех черт, которые должны были отличать истинного кормчего церкви. Не могли также нравиться требования со стороны Константинополя «даров» за поставление. Они ставили юную церковь, содержащуюся щедрой рукой князя, в неудобное положение, ибо требовали не только соответствующих сумм, но и делали явным столь постыдный грех, каковым являлась симония⁴². Не было бы ничего удивительного, если бы монахи, выступавшие против такой практики в Византии, попытались уничтожить её в зародыше на Руси.

Избрание местным собором епископов на русскую митрополию иеромонаха-аскета и образованного богослова как нельзя лучше отвечало требованиям, которые провозгласил в отношении избирающих и кандидатов на кафедры Георгий Афонский. Но в выдвижении Илариона равным образом принял участие и светский властитель — Ярослав Мудрый. А Георгий Афонский, критикуя порядок замещения епископских кафедр в Грузии, отнюдь не ставил под вопрос

---

42 Архиерейские поставления посредством дарений, правда, строго запрещались, но по сути дела для святокупства открывались возможности благодаря гражданскому законодательству (со времён Юстиниановых новелл), соизволявшему обычные и интронизационные взносы в пользу совершающих и участников хиротонии. Патриарху разрешалось получить от хиротонисуемого до 20 литр золота, т. е. не более 1440 номисм (1 литра = 72 номисмы; 1 номисма — золотая монета практ. весом ок. 4,4 г) обычного взноса. От доходности кафедры зависели и интронизационные пошлины. Хиротонисуемый, митрополия которого имела не менее 30 литр золота годового дохода, давал патриарху 100 номисм интронизационного сбора, а священнослужителям и чинам из его окружения — 300 номисм. Ср.: И. Соколов. Избрание архиереев..., стр. 212–213, 238–239, 250–251. На Руси в начале XIII в., как следует из Печерского патерика, поставление в сан епископа обходилось примерно в 1000 гривен серебра, т. е. ок. 100–130 номисм. Е. Голубинский (ИРЦ, т. I-1, стр. 531) считал, что такса за рукоположение равнялась годовому доходу с епархии. Против симонии выступали патриархи Антоний III Студит (974–979 гг.) и Сисиний (996–998 гг.), но патриарх Алексей Студит (1025–1042 гг.) официально санкционировал оплату за посвящение диаконов и священников. Этот акт вызвал протесты, поскольку его вновь подтвердил императорский закон Исаака Комнина (1057–1059 гг.).

само право монарха называть кандидата, но даже, напротив, признавал его, но настолько, что устанавливал для него пределы, которые должны были предохранить от злоупотреблений со стороны светской власти, так как монарх должен был выбирать епископа из кандидатов, отвечающих определённым условиям и признанных достойными синодом епископов. Мы не знаем, были ли поставлены Ярославу такие условия, но налицо факт, что русский монарх идеально с ними сообразовался. Епископы и монахи на Руси признавали, таким образом, за Ярославом те самые права, какие, по мнению византийских монахов, принадлежали императору, а по мнению Георгия Афонского, — грузинскому государю. Сам Феодор Студит, защитник духовной и материальной самостоятельности церкви, величайший в глазах всего монашеского мира авторитет в делах правоверия, участие императора в выборе архиерея признавал законным. На вопрос Никифора I, кого он считает достойным занять патриарший престол, он отвечал, что император может сделать выбор вместе с епископами, монахами и столпниками и, как судья решив, выдвинуть достойнейшего⁴³. Права императора в области наречения либо утверждения игуменов монастырей независимых и императорских, которые стремились к максимальной самостоятельности по отношению к патриарху, были повсеместно признаваемы византийскими монахами. Лично императором утверждался прот конгрегации монастырей Афона, как и игумен студийской братии⁴⁴. Участие Ярослава в выдвижении Илариона на митрополию не было, таким образом, результатом непросвещённой набожности.

В заключение своего «Исповедания» Иларион упоминает и о мирских виновниках своего выдвижения, ожидая от них поддержки в своей миссии: «Слава же Богу о всем строящу о мне выше силы моеа. И молити о мне честней учители и владыкы Рускы земля». «Честней учители» — это, конечно, епископы; под «владыками» следует, бесспорно, понимать властителей русской земли, так как в этом значении Иларион неоднократно употребляет данный термин⁴⁵. В оригинале текста Илариона следовало бы ожидать скорее единственного числа, не исключено, однако, что читая своё исповедание в кафедральном соборе в присутствии всей княжеской семьи, в том числе взрослых сыновей Ярослава, имеющих свои уделы, он сознательно употребил множественное число⁴⁶. Итак не только летопись, но и сам Иларион подтверждает соучастие княжеской власти в выборе на киевскую кафедру. Так же произошёл в 1036 г. акт наречения Ярославом епископа для Новгорода — Луки, которого по желанию Ярослава избрал синод митрополии и хиротонисал митрополит. Впрочем, в этом случае права патриарха и его синода не были нарушены. Право князя назначать епископов,

43 Ср. письмо Феодора Студита к императору: «Patrologia graeca», t. 99, col. 960.

44 F. Dölger. Regesten..., № 367; A. Michel. Die Kaisermaecht..., S. 9, 28, 52–53.

45 L. Müller. Des Metropolitan Hilarion..., S. 101, 107, 121, 126, 128, 139, 143; «Slovník Jazyka Staroslovenskoho», seš 5, Praha, 1962, s. 195–196. *Владыка*, соответствующий гр. *desnotis*, как титул епископа встречается на Руси позже, первоначально с XII в. Ср.: И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 4893, стб. 267–268.

46 Возможна также правка единственного числа на множественное переписчиком, поскольку с XIII в. владыками в быту на Руси титуловали прежде всего архиереев.

подчинённых киевскому митрополиту, несомненно восходит ко времени Владимира: вначале формально соблюдаемое право утверждать кандидатов, предлагаемых извне митрополитом и его синодом, становилось всё более существенным по мере появления достойных местных кандидатов. Одним из первых был, вероятно, Лука Жидята.

Русское монашество вполне признавало право князя принимать участие в делах церкви. На этой позиции явно стоял независимый Печерский монастырь, правовое положение которого можно приравнять со статусом независимых (от патриаршей юрисдикции) византийских монастырей, находящихся под императорским покровительством, таких, как Студийский, Афон, Патмос. Поэтому-то печерский летописец-монах участие Ярослава в акте 1051 г. рассматривает как дело естественное, начатое «по вдохновению божьему». В 1108 г. игумен печерский Феоктист, стремясь распространить культ св. Феодосия по всей Руси, обратился к киевскому князю Святополку II, и тот, удовлетворяя просьбу, «повеле митрополиту вписать в синодик» св. Феодосия. Посвящение митрополитом игумена, избранного печерской братией, также происходило по предложению князя⁴⁷. Киевский князь, таким образом, пользовался идентичными с византийским императором правами, поскольку как вписывание в синодик могло произойти по распоряжению императора, так в его компетенции было и наречение, и утверждение игумена в императорских и независимых монастырях⁴⁸.

В свете этих выводов роль Ярослава в акте 1051 г. представляется как плод сотрудничества русского монарха с церковной иерархией Руси, сотрудничества, о котором свидетельствует помещённая в «Повести временных лет» характеристика Ярослава: «И бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяще по велику, излиха же черноризце»⁴⁹. Идея реформы зародилась, несомненно, в церковной среде, которой удалось найти монарха для её осуществления. Безусловно, что при всей своей власти Ярослав не мог бы, вопреки епископам и духовенству, особенно монашескому, не вызвав раскола, возвести на митрополию Илариона. Период церковной смуты 1147–1155 гг., когда киевский князь, не считаясь с мнениями в церковной среде, попытался возвести на митрополию своего кандидата Клима Смолятича, достаточно в этом убеждает⁵⁰. В 1051 г. не было, впрочем, тех политических мотивов, которыми руководствовались в споре о замещении митрополии враждующие князья середины XII в. Если бы Ярославу было важно только выдвижение намеченного кандидата, было бы проще постараться о его поставлении в Константинополе. Ведь сын Ярослава князь Всеволод получил титул митрополита для русского монаха Ефрема, возглавлявшего переяславскую кафедру.

Всё, следовательно, приводит к выводу, что почин принадлежал монахам из окружения Ярослава, а также собору митрополии, состоявшему из шести

---

47 *ПСРЛ*, т. II, стб. 259, 274; *ПВЛ*, т. I, стр. 487, 196. Ср.: A. Poppe. *Chronologia...*, s. 293; Его же. *Kijowski klasztor pieczarski, «Słownik Starożytności Słowiańskich»*, т. II, 1965, s. 413–415.

48 A. MicheI. *Die Kaisermacht...*, S. 53, 94–96.

49 *ПВЛ*, т. I, стр. 102.

50 Ср.: Е.Е. Голубинский. *ИРЦ*, т. I — 1, стр. 300 и сл.; Пл. Соколов. *Русский архиерей*, стр. 55–95.

епископов митрополии. Возможные сомнения монарха, который любил «церковные уставы», были отведены указанием ему на соответствующие канонические постановления, известные уже тогда в славянском переводе⁵¹. Из епископов мы знаем только одного — новгородского Луку Жидяту. Неизвестно, какой национальности были остальные; не станем, однако, придавать этому моменту большого значения, учитывая настроения, волновавшие монашескую среду в Византии и особенно на Афоне. На епископские кафедры в новообращаемой стране, где легко было воспринять лавры мученичества, ещё не стремились те, которые заботились о карьере и доходах. Первые епископы были, бесспорно, людьми высокой морали и внутренней убеждённости в доверенной им миссии. Акт 1051 г. зародился не из оппозиции по отношению к византинизму и намерения создать национальную русскую церковь, — ибо если бы об этом шла речь, то кто же извне мог бы этому помешать, — но из потребности возрождения церковной жизни вообще, потребности, более остро ощущаемой в монастырях и проводимой в жизнь там, где монашество достигло значительного влияния на государственную власть и церковную иерархию, как это было в Грузии и, вероятно, также на Руси.

Акт 1051 г. не был результатом византийско-русского конфликта периода 1043–1046 гг., но в какой-то степени на него влияла атмосфера тех лет, неблагоприятная не для Византии вообще, а лишь для сторонников Мономаха и Кирулария. Обвинения первого в безнравственности, а второго — в незаконном занятии патриаршего престола⁵² киевским монахам нелегко было забыть, тем более, что всё ещё длился спор Кирулария со студитами, и, быть может, с Афоном.

Мотивы, которые склонили Ярослава к поддержке инициативы собственных монахов и епископов, не могли иметь политической подосновы. После 1046 г. сношения с империей, укрепленные династическим союзом (брак Всеволода с дочерью Константина Мономаха), нормализовались, и ничто не подтверждает мнение исследователей, видящих в Ярославе строптивного вассала, раз от разу пытающегося сбросить, и всё без успеха, главенство империи. Можно думать, дело обстояло проще: вакантность кафедры, которую Константинополь не успел вовремя заместить, была причиной того, что Ярослав согласился на новое решение. Духовные лица утвердили его в убеждении, что церковь на Руси, стоя перед лицом просто неизмеримых задач, нуждается в истинном пастыре и кормчем. Присылаемый из Царьграда иерарх, не знающий языка страны, христианизацией которой должен был руководить, к чему он, впрочем, иногда не имел призвания, оставался прежде всего византийским послом в столице русского монарха. Не случайно «Повесть временных лет», имеющая своею главной темой историю государства и христианства на Руси, не находит места для тех деятелей, которые

51 Ср.: В.Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая..., стр. 62, 84–85, 112, 123–124, 284, 334, 740, 741, 765, 800–801.

52 Студийский монах Никита Стифат публично осуждал связь императора со Склириной. (Ср.: Н. Скабаланович. Византийское государство..., стр. 52–58, 440). Упрёк в «*ordinatio per saltum sine canonico intervalle*» выдвигал Кируларию папа Лев IX в 1053 г. («*Patrologia latina*», t. 143, col. 764, 771).

по самому своему положению должны были насаждать новую веру. Из греческих иерархов XI в. только митрополит Иоанн II Продром (ок. 1077–1089 гг.) заслужил слова признания своей эрудиции и моральных основ. Монах-книжник, писавший в начале XII в.: «Сякого не бысть преже на Руси, ни по нем не будет сяк»⁵³, высказал тем самым не наилучшее мнение как о его предшественниках, так и о непосредственных преемниках. Дело распространения христианства и строительства церковной организации уже в XI в. было заслугой прежде всего славянского духовенства. Русское монашество в первой половине XI в. окрепло настолько, что выдвинуло из своих рядов такие личности, как Лука Жидята, Иларион, Антоний Печерский. Во второй половине XI в. большое значение приобрёл Киево-Печерский монастырь, уже в конце того же столетия из него вышло большинство русских епископов.

Но киевских правителей при всём их уважении к делам религии и церкви захватывали политические дела, и с этой точки зрения расценивалось присутствие в Киеве представителя Агии-Софии и императорского дворца. Не случайно ведь митрополиты, о которых мы знаем несколько больше благодаря сфрагистическим данным, были почтены одновременно сенаторскими званиями (синкелла, протопродра). И поэтому, вероятно, эксперимент с Иларионом, натолкнувшись на возражения в Константинополе, умер естественной смертью. Русская иерархия, лишённая политической поддержки, должна была вернуться к установленному порядку.

О дальнейшей судьбе митрополита-русина, и что наиболее важно, избранного и посвящённого собственным синодом, можно строить только предположения. Известно, что Иларион некоторое время архиепiscopовал, так как именно он освящал построенную Ярославом церковь Св. Георгия 26 ноября в пределах 1051–1053 гг.⁵⁴

Зная Кирулария, трудно допустить, чтобы тот хотел утвердить митрополита, которого он сам не рукополагал. Ущемлённой в своих интересах чувствовала себя также влиятельная в церковной и политической жизни империи конгрегация чиновного клира Агии-Софии, терявшая, прежде всего, обычные взносы и подарки от хиротонисуемого. С другой стороны, в условиях напора кочевников на Дунае византийский двор был заинтересован в хороших отношениях с Киевом и не собирался резкой реакцией вызвать недовольство Ярослава. Вероятнее всего, по византийскому обычаю, ставка была сделана на проволочку. Одно несомненно, что или уже от Ярослава, то есть до февраля 1054 г., либо от его преемника Изяслава было получено заверение о восстановлении обычного порядка замещения митрополии. В 1055 г. во главе её уже стоял митрополит и

---

53 *ПВЛ*, т. I, стр. 137. Ср. о нём и его племяннике — придворном поэте Иоанна II Комнина: С.Д. Пападимитриу. Иоанн II митрополит киевский и Феодор Продром. «Летопись историко-филологического общества при Имп. Новороссийском университете», т. X, Визант.-слав. отд. VII. Одесса, 1902, стр. 1–54.

54 Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.), СПб., 1906, стр. 122–126.

протопродр Ефрем⁵⁵. Обращает на себя внимание высокое придворное звание Ефрема — протопродр протосинкеллов. Это первый известный случай упоминания данной титулатуры, упразднённой уже в 80-е годы XI в.⁵⁶

Есть основания связывать репрессии Ефрема по отношению к Луке Жидяте — именно трёхлетний арест — с последовательным отстаиванием новгородским епископом права синода митрополии избирать и посвящать митрополита собственной епархии. Однако партия сторонников реформы должна была отступить с той минуты, когда лишилась поддержки киевского двора. Отступление оказалось, быть может, облегчено сближением, которое в последний период правления Константина Мономаха (1052–1054 гг.) наметилось между патриархом и монахами⁵⁷.

В вопрос об Иларионе путаницу внёс М. Чубатый, утверждавший, что отсутствие русского митрополита на синоде в 1054 г., где присутствовали все митрополиты патриархии, свидетельствует, что Иларион ещё осуществлял своё правление, и что Киев продолжал не подчиняться юрисдикции Константинополя. Об этом якобы свидетельствует визит папских легатов в Киев на обратном пути из Константинополя с целью привлечения архипастыря русской церкви на сторону Рима и поддержки её автокефалии для обособления от Константинополя⁵⁸.

Но на синоде 24 июля 1054 г., который отлучил кардинала Гумберта и его сотрудников, присутствовало всего 16 митрополитов из почти 70 подвластных патриарху⁵⁹. Присутствие легатов в Киеве М. Чубатый, игнорируя обширную литературу, вывел из текста «Brevis et succinta commemoratio» кардинала Гумберта, где названа «civitas Russorum», откуда послы, покинув Константинополь, послали императору по его требованию заверенный текст буллы, предававшей анафеме Кирулария и его сторонников. Между тем в литературе давно уже ука-

55 *НПЛ*, стр. 183; А. Поппэ. Русские митрополии..., стр. 94. отождествление этого митрополита Ефрема с Ефремом Новгородским ок. 1030 г. (см.: М.Д. Присёлков. Указ. соч., стр. 111–114; Р. Kovalevsky. L. Eglise russe en 1054. «L'Eglise et. les Eglises 1054–1954», t. 1. Chevetogne, 1954, p. 483) относится к очевидным недоразумениям. (См.: А. Роппе. Państwo..., стр. 162–163).

56 В правление Михаила VII (1071–1078 гг.) ею был почтён первый имперский министр, митрополит сидонский Иоанн. Протосинкеллом был современный Ефрему архиепископ болгарский Лев Охридский. (Ср.: Н. Скабаланович. Указ. соч., стр. 181; V. Grumel. Titulature des metropolités byzantins, 1: Les metropolités sinclles. «Etudes Byzantines», t. III, 1945, pp. 94–97, 102–107, 110–113; N. A. Oikonomides. Un décret synodal inédit du patriarche Joan VIII Xiphilin concernant l'élection et ordination des évêques. «Revue des Etudes Byzantines», t. XVIII, 1960, s. 57, 68–71; V. Laurent. Le Corpus des Sceaux de L'Empire Byzantin, t. V–I. Paris, 1963, p. XXXIII, № 407, 418, 541, 783). Так как звание протопродра протосинкеллов, как отметил В. Грюмель, употреблялось и в сокращённой форме (особенно на печатях просто: протопродр), нельзя отказать в нём и Ефрему. Но, с другой стороны, учитывая, что появление этой титулатуры связывается исследователями с началом правления Михаила VII Дуки, а также тот факт, что виднейшие архиереи в 50–60-х годах XI в. носят всего лишь титулы синкелла и вновь появившийся — протосинкелла, можно думать, что тогда же возник и титул протопродра, получивший с 1071 г. развёрнутую форму.

57 См. прим. 33.

58 М. Чубатый. История христианства на Руси-Україні, т. I, Рим — Нью-Йорк, 1965, стр. 338 и сл.; В.Я. Рамм. Папство и Русь в X–XV веках. М., 1969, стр. 52–58. В обеих этих работах много различных несообразностей.

59 V. Grumel. Les Regestes des Actes du Patriarchat de Constantinople, fasc.1–3, Kadikoy — Paris, 1932–1947, № 867, 868, 869.

звалось, что нельзя принимать в расчёт возвращение легатов в Рим *via* Русь, так как император сносился через посланца с находящимися в обратном пути легатами дважды в течение десяти дней, между 18 и 27 июля. Рукописная традиция *Commemoratio* (древнейшая рукопись XI в. — *Cod. Bernensis lat.* 292) делает весьма маловероятной ошибку копииста в словах «*civitas Russorum*», скорее всего, мы имеем здесь дело просто с ассоциацией самим автором греческого названия города Руссий (*Rhussion*, к западу от Константинополя) с русами⁶⁰. К числу подобных, бытующих иногда ещё в науке недоразумений, относится гипотеза М. Присёлкова, согласно которой вынужденный отрешиться от митрополии Иларион удалился в Печерский монастырь и принял имя Никона⁶¹. Предположение, что монах и пресвитер, а затем игумен Печерского монастыря (ум. 1088 г.) был ранее митрополитом киевским, не может быть принято. Лишение архиерейского сана равнялось лишению священства вообще, ибо низведение епископа до сана пресвитера, согласно 29-му правилу Халкидонского собора, было бы святотатством. Если Иларион лишился архиерейства, то он мог вернуться в монастырь, но не мог бы уже вновь стать пресвитером (иереем), так как это противоречило бы канонам и самой идее таинства священства⁶².

В то же время нельзя не обратить внимания на событие, которое имело место при преемнике Илариона. Заслуживающая доверия запись в месяцеслове Мстиславова Евангелия 1117 г. сообщает об освящении Софии Киевской митрополитом Ефремом 4 ноября. Установить более точную годовую дату невозможно, поскольку это не обязательно должно было быть воскресенье⁶³. Во всяком случае, этот акт имел место самое позднее в первой половине седьмого десятилетия, так как ок. 1065 г. на Русь прибыл новый митрополит и синкелл Георгий. Нет сомнения, что речь здесь идёт о повторном освящении Софии, так как первое произошло до 1050 г.

В литературе была сделана попытка связать факт повторного освящения с достройкой пояса наружных галерей, либо с завершением их декоративного убранства⁶⁴. Однако утверждение о позднейшем строительстве наружных галерей не подкрепляется убедительными аргументами. Обнаруженные исследованиями последних лет технические приёмы зодчих Софии, вопреки мнению Н.И. Кресального, вовсе не могут служить доказательством более позднего расширения

60 В основном правильное толкование событий, происшедших после того, как папские легаты покинули Константинополь, было уже предложено В. Щесняком. См.: W. Szczęśniak. *Rzekoma bytność legatów Leona IX papieża na Rusi w roku 1054*. «Przegląd Historyczny», t. III, 1906, s. 162–165, 169–176. Вопрос выяснен окончательно И. Шевченко. (См.: I. Ševčenko. *The Civitas Russorum and the Alleged Falsification of the Latin Excommunication Bull by Kerularios*. «Actes du XII Congrès international d'études byzantines. Ochride 10–16/IX 1961», t. II. Beograd, 1964, p. 203–212).

61 М.Д. Присёлков. Указ. соч., стр. 172–184. Несмотря на критику, М.Д. Присёлков повторил это своё предположение в труде «Нестор Летописец» (Пг., 1923). Этот взгляд воспринял и А. Карташев. (А. Карташев. *Очерки по истории русской церкви*, т. I. Париж, 1959, стр. 170).

62 J.V. Pitra. *Juris...*, t. I, s 533; В.Н. Бенешевич. *Древнеславянская кормчая...*, стр. 127; А. Королёв. Рец. на труд М.Д. Присёлкова. «ЖМНП», ч. 53, октябрь 1914, стр. 397–398.

63 L. Müller. *Les Metropolitens Harion...*, стр. 9–40; А. Поппэ. *Русские митрополии*, стр. 93.

64 М.К Каргер. *Древний Киев*, т. II, М.–Л., 1961, стр. 403, 166–167; В.Н. Лазарев. *Мозаики Софии Киевской*. М., 1960, стр. 55–57.

объёма здания, ибо в равной степени позволяют рассматривать наружные галереи с башнями как очередной строительный этап изначально задуманного облика храма⁶⁵. Анализ стенной живописи южной и северной наружных галерей и фресок главного и боковых нефов не только не обнаружил хронологических расхождений, но даже, напротив, привёл к мысли, что вся роспись кафедрального собора была выполнена одновременно⁶⁶. В.Н. Лазарев, исходя из взгляда о повторном освящении и возможности затяжки живописных работ до 60-х годов, утверждает всё же, что «роспись Софии Киевской отмечена печатью определённого стилистического единства», и что «росписи приделов (галерей) восходят к той программе, которая была уточнена ещё при жизни Ярослава». Позволительно поэтому усомниться в том, что работа по украшению Софии стенной живописью тянулась десятилетиями, если, по меньшей мере, живописное убранство (в том числе мозаики) основных частей храма было закончено до 1046 г.⁶⁷ Трудно также допустить, что Ярослав не довёл работ до конца, раз после Софии появились его новые постройки.

Повторный акт освящения храма не следует, таким образом, связывать с завершением работ над росписью внешних галерей, тем более, что освящение Ефрема было большим обновлением, отмечаемым впоследствии ежегодно⁶⁸. Рассматривая этот вопрос в другой работе, мы пришли к выводу, что повторное освящение было вызвано фактом отмены патриархом поставления Илариона, повлёкшим за собой признание священнодействий в кафедральном соборе незаконного митрополита святотатством, оскверняющим храм⁶⁹. Хотя и теперь мы не отрицаем такой возможности, но полнее отдаём себе отчёт в шаткости аргументов. Нельзя также не учесть, что если первое освящение митрополичьего собора состоялось ок. 1044–1046 гг., т. е. в период продолжавшегося конфликта, то на него не могло быть требуемого разрешения патриарха. При всяком случае, вызывавшем сомнения, предписывалось повторить обновление, так и в данном случае полномочие на освящение кафедрального собора митрополии по обстоятельствам времени мог получить только лишь Ефрем, прибывший на Русь в 1054 г. Впрочем, было достаточно много и других чисто обрядовых причин, по которым требовалось заново освящать храм. Достаточно, чтобы в нём было со-

65 Ср.: Н.И. Кресальский. Новые исследования северо-западной башни Софии Киевской. «Византийский временник», т. XXIX, 1968, стр. 211–233. Хотя автор и отказался от принятой датировки пристройки концом XI в., считая, что наружные галереи вместе с юго-западной башней были пристроены ещё при жизни ктитора Ярослава Мудрого, чтобы ввиду начавшихся деформаций укрепить здание собора, но предложенное им хронологическое уточнение на основании надписи о кагане очень сомнительно (Ср.: А. Поппе. *Граффігі...*, стр. 94–95).

66 Ср.: В. Мясоедов. Фрески северного притвора Софийского собора в Киеве. «Записки отд. русск. и слав. археологии Русского археологического общества», т. XII, 1918, стр. 1–6, табл. I–II; А. Грабарь. Фрески апостольского придела Киево-Софийского собора. Там же, стр. 98–103.

67 В.Н. Лазарев. Указ. соч., стр. 57, 74.

68 Н. Никольский. Указ. соч., стр. 143–144.

69 А. Поппе. Русские митрополии..., стр. 94–96. Ср. обоснованный в отношении моей гипотезы скептицизм Н. Розова (см.: Н.Н. Розов. Указ. соч., стр. 84). Следует, однако, заметить, что обойдённые в своих правах патриарх и его синод имели основания упрекать собор русских епископов и его избранника в нарушении церковных канонов.

вершено убийство или он был осквернён присутствием животных⁷⁰. Ведь и Богородица Десятинная освящалась дважды, вторично Феопемптом в 1039 г.⁷¹ Так или иначе вопрос остаётся открытым.

Поиски объяснения обстоятельства избрания на митрополию Илариона привели нас к отказу от господствующего в историографии мнения, что Ярослав Мудрый решился на этот шаг в плане освобождения русской церкви от византийского главенства. Такой взгляд подразумевает, что Русь вынуждена была до 1051 г. и вскоре же после этой даты терпеть византийское церковное управление, т. е. фактически и юридически была государством, зависимым от империи, обязанным подчиняться ей вопреки собственному достоинству и политической программе. Придерживаясь последовательно такой точки зрения возвращение после 1051 г. русской церкви в юрисдикцию Константинополя следовало бы рассматривать как политическое и государственное поражение, недвусмысленно ставящее Русь в ряд вассалов империи. Политическая ситуация того времени и международное положение Руси не позволяют выдвигать такие предположения, тем более, что конфликт 1043 г. не был попыткой освобождения «взбунтовавшихся варваров» из-под гегемонии ромеев. Анализ византийско-русских отношений с конца X и в течение всего XI вв. лишает каких-либо оснований тезис о политической гегемонии империи⁷².

Церковные узы, связывающие русскую церковную провинцию с «вселенским» патриархом, изначально были результатом добровольного выбора. Вследствие нескольких десятков лет сношений, установленных некогда по воле киевского монарха, церковно-религиозные связи углубились и вызвали к жизни немногочисленную, но проникнутую христианскими идеалами среду, осознающую своё призвание. В течение полустолетия под сильным влиянием византийского монашества, особенно афонской общины, на Руси зародилось монашеское движение, чуткое к реформаторским течениям, направленным против размножившихся в церкви пороков, искажений, злоупотреблений, сребро- и властолюбия, попрания духовных идеалов.

Акт 1051 г. следует понимать как попытку церковной реформы, направленной против чрезмерно развёрнутой, централизованной махины церкви, стремящейся вернуть епархиальному (митрополитанскому) синоду роль, которую предназначали ему отцы церкви. Инициаторы реформы понимали, что для того, чтобы достигнуть цели, они должны привлечь на сторону своей реформы государственную власть. Им это удалось, однако ненадолго. Ярослав, несмотря на всё благочестие и внимание к реформаторам, был прежде всего политиком, церковная организация значила ещё слишком мало и чересчур была сопряжена

---

70 Об освящении храмов см.: D. Stiefenhofer. Die Geschichte der Kirchenweihe vom i bis 7 Jh. München. 1909, а также: P. de Pomet. Dedication des eglises. «Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie», t. IV-1. Paris, 1920, pp. 374-405.

71 М. Чубатий. Історія християнства на Русі-Україні, т. I, Рим — Нью-Йорк, 1965, стр. 338 и сл.; В.Я. Рамм. Папство и Русь в X-XV веках. М., 1969, стр. 52-58. В обеих этих работах много различных несообразностей.

72 Ср.: A. Poppe. Państwo..., s. 56-68, 124-130, 234-236.

с государственным аппаратом, чтобы право выдвижения кандидата на митрополию киевский князь мог признать желаемой прерогативой. Он и так выражал свою волю, принимая при своём дворе имперского сановника и митрополита, и давая согласие на его наставление в кафедральном соборе Киева.